Кот, консьержка и другие уважаемые люди

Автор:
Диляра Тасбулатова

Кот, консьержка и другие уважаемые люди

Диляра Тасбулатова

Тысяча баек Диляры Тасбулатовой

Читая маленькие рассказы Диляры Тасбулатовой, вы будете не просто смеяться, а плакать от хохота. Почему – не знаю. Кстати, я не знаю также, почему люди смеются, когда читают Довлатова. Или Зощенко. Или Тэффи. Я говорю сейчас не о сходстве Диляры с кем-то из этих авторов, а о живой и узнаваемой традиции смеха в русской литературе, которая продолжается ее рассказами. Мы делаемся лучше, когда читаем ее бесшабашные истории. Может быть, потому что смеемся от всей души и вспоминаем таким образом, что она у нас есть?

Анна Берсенева, писатель

Диляра Тасбулатова

Кот, консьержка и другие уважаемые люди

© Тасбулатова Д., текст, 2015

© Gde Adelina, иллюстрации, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Предисловие

Те, кто уже знаком с моим творчеством по первой книжке и держит в руках вот эту, вторую, сообщаю, что здесь – тоже байки, скетчи, рассказы.

И тоже – главки, под каждой из которых собраны скетчи по темам: как я хожу на телевидение, как я беру интервью у знаменитостей, как я езжу в метро и маршрутках, как я беседую с мамой и какие номера откалывает мой кот Марсик.

Есть здесь и тематически не объединенные одной рубрикой рассказы: о том о сем. (Во времена оны была такая рубрика: «Разное».)

Герои этих рассказов, как писали в советские времена, «простые люди»: сантехники, консьержки, случайные попутчики, алкоголики и непьющие, пьющие умеренно и непьющие совсем; соседи, продавщицы и проч.

Изредка – интеллигенция (ибо интеллигенция все же не так метко выражается, как так называемый простой человек).

Те, кто первой книжки не видел – я, во-первых, отсылаю к ней (она еще продается), а во-вторых, сообщаю, что я, Диляра Тасбулатова, – некогда кинокритик, а отныне известный блогер и автор смешных скетчей. Или – миниатюр, как вам будет угодно.

Иные знаменитости (например, известный писатель Денис Драгунский – тот самый Дениска, на рассказах отца которого все мы выросли) вообще говорят, что, мол, я пишу новую «Энциклопедию русской жизни».

На что моя ироничная мама, тоже героиня моих баек, усмехается: ведь, как известно, такого сравнения удостоился роман самого Пушкина «Евгений Онегин».

«Энциклопедии тоже бывают разные», – прибавляет моя мама, переживая, что я все время описываю жизнь простую, «низовую», почти маргинальную, где нет места возвышенным чувствам и тонким переживаниям.

Не смея даже на йоту приблизиться к такому величайшему гению, как Зощенко, я тем не менее всегда ссылаюсь на него: мол, он тоже никогда не писал о «возвышенном».

Впрочем, умный читатель всегда найдет «возвышенное» между строк: ибо, как бы я ни смеялась над своими персонажами, я их и жалею, и по-своему люблю.

Диляра Тасбулатова

Телебайки

Культпоход

Прошлым летом позвонили с канала «Культура» (как говорит мама – не надо мне тут заливать).

Все уехали в Канны, вот и я понадобилась (а, ну тогда ладно, – говорит мама).

Так и сказали (проговорились) – никого нет, и вы, мол, сгодитесь – ну не так прямо, но я все поняла.

Ну, я человек простой, согласилась.

Но не сразу.

Говорю:

– А я тут весу поднабрала.

Редакторша говорит (решительно и быстро):

– Сколько?

– Ну, примерно 70 кг.

Редакторша замолчала. Чувствовалось, что она делает в уме несложные математические вычисления: если, скажем, к 50 кг, весу изящной дамы, прибавить 70, то…

– Черное что-нибудь есть? (спросила она в отчаянии). Программа-то утверждена (прибавила она с мольбой).

– Нету (сказала я). Есть белое большое платье на манер свадебного. Купила в «Пышке» по случаю. Для очень толстых невест – бывают и такие. А че, толстым замуж не выходить теперь? (сказала я с вызовом).

Редакторша опять замолчала.

Тут я ее все же пожалела:

– 70 кило я набрала за последние сорок лет.

Она вздохнула с облегчением.

Но тут же опять испугалась (им ни старухи, ни огромные в эфире не нужны, чтоб зрители не разбежались).

И деликатно спросила:

– То есть в тридцать вы весили 40 кило?

– Нет, в семь (сказала я).

Она замолчала опять. Ей опять явно поплохело.

– Ну, не 40 кг, а 20 – весила я в семь лет (пояснила я таки, пожалев ее).

– Уф! (сказала редакторша). Итого, сколько мы имеем в итоге? Примерно 90?

– А вы хорошо считаете! (сказала я). Даже чуть меньше – 85.

– Уф! (опять сказала редакторша, успокоившись).

Но – я поняла – опять ей стало страшно: вдруг я буду и в эфире такую чушь молоть?

Она опять – деликатно, как въедливый дознаватель, которому во что бы то ни стало нужно получить информацию, не мытьем, так катаньем, – сказала мне:

– Я слышала, вы такая интеллектуальная…

– Кто, я?! (спросила я с диким изумлением). Вас обманули!

– Но мы же не будем про вес говорить в эфире? (спросила она).

– Эт как пойдет (сказала я). А про что надо? Я думала, про диету.

– Про Каннский фестиваль.

– А! Ну поглядим. Хотя где я, а где Каннский фестиваль.

– Все будет хорошо (затараторила она). Собеседник – Игорь Волгин.

– Жаль, не Колян (сказала я).

– Кто? (спросила она).

– Один интеллектуал (сказала я). Но он сейчас тоже в Канны уехал…

P.S. Колян – мой персонаж и приятель, алкаш из нашего двора.

Телезвезда

Я вообще люблю «троллить» телевизионщиков: и особенно на тему своего веса. Как-то раз меня вновь пригласили в какую-то программу (ну, почти кабель) в компании с какой-то девушкой, которая сумела похудеть на 50 кг. На сей раз поговорить именно что о диете. Не о Каннском фестивале.

Я пришла первая, редактор входит и в ужасе говорит:

– Это вы похудели на 50 кило? (им надо было показать, что была бочка, а стала модель, а тут дирижаблем, что ли, была?)

Я говорю:

– Какой там на 50! На 80!

Редактор в ужасе говорит:

– Так как вы передвигались раньше?

– А на тележке! Меня так и возили по Москве по разным телепрограммам. Привезут, скинут, как шар, и я там в студии перекатываюсь. Была я и у Малахова – нас посадили с одной 25-килограммовой, она в одном фильме мумию играла. У нее болезнь из-за диет такая, забыла название, типо булимия вроде… (Кстати, у Малахова и вправду такая как-то была.)

Редактор бледнеет, а я продолжаю:

– Там еще интервью было, телемост типо – из Америки: Джей Ло советовала этой мумии «полюбить себя как она есть». Мне она тоже советовала себя полюбить и

принять как есть: ну, чтобы я полюбила перекатываться, наверно.

– И что? (опять говорит бледный редактор – думает, наверно, кого ему привели?)

– Да ничего (говорю). Мы с этой мумией одно время дружили и ходили так по городу: все расступались. Я как-то ее привела ИНН мне помочь получить, а там очередь с пяти утра, но нас так впустили, безо всякой очереди. Расступились с уважением: я катилась, а она меня подталкивала, катила как бы.

Редактор вдруг говорит:

– Я не Малахов, у меня приличная программа.

– И такая же рейтинговая? (спросила я стервозно).

Он тут же оскорбился.

Но промолчал.

Надулся.

Но не погнал меня: программу-то выпустить надо было.

А ту девушку, которая стала как модель, а была 100 кг, мы так и не увидели. Она так и не пришла.

И я за двоих отдувалась: почему-то рассказав о фестивалях, Канне и Венеции. И даже Берлине. И ни слова – о диете.

Редактор потом сказал:

– Так даже лучше получилось, чем про лишний вес этот. Интереснее.

– Ага (говорю), вставили мы Малахову по первое число.

Живые детали

Позвонили мне с одного канала.

Говорят, мы передачу готовим о Любови Орловой и Григории Александрове.

Не могли бы вы, мол, помочь?

– Чем же я могу помочь? (говорю я). Я о них знаю столько же, сколько среднестатистический киновед. Не более того.

– А нам говорили, что вы снимали в Каннах у их внука квартиру…

– Ну, снимала. И что?

– Вот вы и расскажите, какой был этот внук, живые детали какие-нибудь про него.

– Ну, пусть он сам расскажет.

– А он уже умер.

– А! Жаль, неплохой был мужик.

– Ну вот видите, вот уже живые детали! Неплохой мужик – живая же деталь?

– Так и сказать: «Неплохой был мужик»? И все?

– Ну, нет, еще что-нибудь расскажите.

– Ну вот еще живая деталь – он был страшный алкоголик.

– Нет, этого рассказывать не надо.

– И жена у него, Мила, была стерва… Деньги в саду в банках зарывала – вот вам живая деталь.

– Этого тоже не надо.

– Но я ничего, кроме того, что Гриша был добрый, сильно пил и жена у него была стерва, не знаю! Тем более он запил через два дня после моего приезда, и я его уже не видела. Его жена в подвале заперла, они там в Каннах целый дом снимали. Я на втором этаже жила…

– Что же мне делать? (с тоской сказала редакторша). Нужны живые детали, я же вам говорю… Именно что живые – Википедию же не перескажешь.

– О! Вспомнила живую деталь! У них был кот Матисс, красавец отменный.

– Тааак… И что кот Матисс?

– Ну, его Мила, как и всех нас, перестала кормить, и я потом его на помойке встретила. Хотя деньги за завтрак с меня взяла. С Матисса-то че возьмешь, кроме красоты?

– О, господи! Не надо про помойку! У них вроде дети были?

– Были, ага. Жена Мила их тоже не кормила. Как и Матисса, кота.

– Как детей звали?

– Не помню…

– О, господи, что же делать?

– Не знаю…

– Но вы все равно приходите.

– Не, не приду – я сильно растолстела, а экран еще пять кило прибавляет. Как минимум.

– У нас отличные гримеры! Сделаем из вас кинозвезду!

– Типа Любови Орловой?

– Ага!

– Тогда приду. Вспомню какие-нибудь «живые детали». Поднапрягусь.

– Ну, вот видите! Ждем!

– Договорились.

Челядь

Встречалась я как-то с одной милой девушкой.

Телепродюсером.

Богатой.

Она пришла с еще более богатым молодым человеком, таким вип-сынком. Но тем не менее славным.

Эта девушка все время называла меня «звездой» (она очень добрая – всех ценит вне зависимости от доходов).

Посидели, поговорили о проектах (неосуществимых, впрочем), пора вроде как и расходиться. Молодой человек меня спрашивает:

– Ваш шофер где припарковался?

– В метро (говорю).

– Около метро?

– Да нет. Прям в метро. Меня все время возит один и тот же вагоновожатый в метро. Вот спешу: через семь минут его поезд.

Он коротко хохотнул:

– А, понял! Это вы для разнообразия!

– Ага. У моего шофера отпуск. На Багамах.

Он посмотрел на меня с уважением и ужасом.

– А вы где отдыхаете?

– В Химках.

– А там что – спа-комплекс?

Девушка-продюсер сказала:

– Она бескорыстная.

– Зато шофер корыстный (сказал, не поняв, юноша).

Девушка наступила мне под столом на ногу.

Я сказала:

– Шофер – ужас! А садовник – вообще скотина! Не говоря уже о куафере, дворецком и мелкой обслуге.

Парень посмотрел на меня чуть ли не с благоговением.

Браслеты

Поскольку я отчасти еще и правозащитник (состою в ОНК – общественной наблюдательной комиссии по тюрьмам), меня почему-то считают еще и спецом по браслетам. Но не ювелирным «изделиям», а тем, что надевают людям, находящимся под домашним арестом.

Сначала звонили с НТВ, потом – с канала «Лайфньюс».

– Как вы относитесь к браслетам? (спросила меня девушка из «Лайфньюс»).

– Положительно (сказала я).

– Таак (протянула девушка). А можно поподробней?

– Если это браслет от Рене Лалика.

– Эт кто? Это он усовершенствовал браслеты для осу?жденных? (спросила девушка, поставив ударение так, как это принято в тюрьме. Тем более она мне позвонила, когда я выходила из ворот очередного СИЗО).

– Для осу?жденных на то, чтобы носить его браслеты, – например, для Сары Бернар (сказала я).

– А кто это? (спросила девушка). Какая статья?

– Не помню. По-моему, лицедейство. В особо крупных размерах.

– А! (протянула девушка). Понятно. Так и запишем: к браслетам вы относитесь положительно.

Жириновский 3D

Ну вот, пошла я в очередной раз на телик. Пока сидела на гриме, болтала со славными девушками-гримерами. Девушки-гримеры рассказали мне, что подрабатывают гримом на стороне.

У людей, как выяснилось, много фантазий: один хотел вообще под ящерицу закосить. Другой – под Майкла Джексона.

Я спросила:

– А если я захочу, к примеру сказать, загримироваться под депутата какого-нить, вы сможете?

– Смотря под какого (задумчиво сказала мне гримерша Лена).

– Жириновского (сказала я, не задумываясь, быстро и четко).

– Оль! (окликнула подружку Лена). Под Жирика сможем девушку сделать? Оля у нас мастер высочайшего класса (наклонясь ко мне, сказала Лена доверительно).

Оля посмотрела на меня, подошла, повертела так и эдак и говорит:

– Сложно, это уже 3D, накладки сильные.

– Козлы адназначна! (выкрикнула я голосом Жириновского). Изнасилую!

Девушки вздрогнули.

– У вас хорошо получается (сказала Оля).

– Так сможете или нет? (спросила я).

– А вам зачем? (спросила Оля).

– Хочу в Думу пробраться.

– Зачем?

– Пообедать там можно, говорят, дешево.

– Так вам грим дороже встанет!

– Думаете, нерентабельно?

– Думаем, да (сказали девушки хором).

Главное, они мне поверили, что я хочу в Думе обедать.

Но я и правда хочу.

Только вот грим дорогой. 3D этот… накладки…

Пообедаю в «Му-Му», черт с ним.

Такие вот дела.

Карлики и космонавты

Как-то позвонили мне с Первого канала и позвали на программу «Закрытый показ».

Я тут же спросила у девочки-помрежа: а что, мол, это передача ужасов будет?

Девочка не поняла и говорит:

– Нет, никаких ужасов, фильм покажем и потом обсудить нужно будет. А фильм – нет, не ужасов, нормальный такой фильм…

– Я не про фильм (говорю). Вы же меня живьем не видели…

Девочка испугалась и бросила трубку.

Пожалилась ведущей, и та меня отругала, сказав, чтобы я перестала придуриваться и что, мол, я прекрасно выгляжу и нечего тут людей пугать.

Ну, пришла я таки в студию, и меня на грим сразу послали.

Загримировавшись как следует (гримерша не вняла, когда я ее попросила себя сделать под Соловья-Разбойника), мы пошли на эфир.

И поскольку фильм был (издевка такая) о том, что на Луне, оказывается, мы первые были, но это было засекречено, и летал туда карлик, в студию пригласили настоящих космонавтов.

Прямо-таки настоящих космонавтов – из отряда таковых плюс ветерана Леонова. Того, кто в открытый космос выходил, как вы помните.

Леонов оказался отличным, веселым и мне сказал, что вот, мол, казашка, а так по-русски хорошо пишет (он читал журнал, где я тогда работала).

И мы с ним мило так поболтали, пока камеры не были включены.

А потом начался кромешный ужас: какой-то дурак из новых космонавтов доказывал, что американцы на Луне никогда не были и что все это фейк. Какой-то киновед кричал, что космонавты в кино ни черта не понимают. Кто-то кричал, что он лично знает Армстронга и что тот не в себе после этой Луны.

Ну и так далее.

Потом дело чуть до драки не дошло.

Продюсер кричал в наушники ведущей, что сейчас все засыплемся, ужас какой, успокой их типа.

Я хохотала как сумасшедшая.

Тут не выдержал Леонов.

Он сказал весомо, по-мужски, так, как на партсобрании:

– Товарищи! (выкрикнул Леонов). Зачем вы нам показываете каких-то карликов? Вы приезжайте в наш отряд и посмотрите, какие парни там! Добры молодцы, косая сажень: карликов мы не берем!

Тут я вклинилась:

– А были бы вы карлик (сказала я Леонову), смогли бы вы обратно без труда влезть в корабль, когда в космос выходили! А то остались бы там навечно!

Леонов сказал мне:

– Не было такого! Вранье все это! Я вышел малость прогуляться и обратно зашел! Вранье все это и байки!

– Ничего себе прогуляться! (кричала я). Кто же выходит гулять в открытый космос? Жуткая какая-то прогулка получается! Чуть не погибли!

– Вранье! (кричал Леонов).

Тут в студию вошел продюсер и сказал:

– Прекратить безобразие! Начинаем все снова!

Все успокоились и начали нудно обсуждать, надо ли показывать карликов в виде космонавтов или не надо. Космонавты вяло говорили, что не надо, а киноведы – что надо.

Так и вышла передача в эфир.

А меня почти всю вырезали (и слава богу).

На что мама сказала:

– И зачем тебя зовут? Чтобы потом вырезать?

Горизонтальная одаренность

Пошла опять на телик. Уговорили. (Терпеть это дело не могу.)

Редакторша меня встретила уже на улице: было заметно, что она таки напугана моими предупреждениями, что я 90-60-90 (рост-объем головы-возраст).

По сравнению с ожидаемым я оказалась ничего себе, и редакторша завопила:

– Да вы в полном порядке!

Но все же, не удержавшись, сказала:

– Хотя похудеть не мешает…

Тут появился ведущий «Контекста» Игорь Волгин, который сел в лифт с каким-то парнем-редактором.

Парень сказал Волгину:

– Работаем на контрастах – к примеру, в студии у вас священник и..

– Киллер? (спросила я).

Волгин на секунду оторопел, подумав, наверно, что я – нахальная уборщица-гастарбайтер, но, будучи человеком любезным и остроумным, почти мгновенно отреагировал:

– Или священник и киллер в одном лице.

На этих словах лифт, приехав, открылся, и эти слова услышал священник – молодой, славный, очень стройный – вытянутый, как на картинах Эль Греко; да еще и в черной сутане и с бородкой.

Услышав слова Волгина, он застыл от изумления, но я сказала ему:

– Батюшка, не волнуйтесь: мы так разминаемся перед эфиром.

Волгин спросил:

– Так это вы будете у меня в эфире?

Было видно, что он сильно удивлен.

Я опять повернулась к батюшке (он сидел в студии у Волгина до меня) и сказала ему:

– Вы прямо как персонаж Эль Греко: красивый и вытянутый. Если бы мы были с вами в эфире, зрители бы подумали, что половина экрана отцентрована вдоль, а половина – поперек.

Батюшка улыбнулся ужасно мило и сказал:

– Это не имеет значения. Главное, чтобы человек был одаренный… (он хотел продолжить, наверно, одаренный душевно типо), но я его прервала, сказав:

– Горизонтально одаренный? Как я?

Батюшка смутился и ушел гримироваться.

Я тоже пошла гримироваться.

Гримерше я сказала:

– Я хочу, чтобы вы мне всё убрали!

Она оторопела:

– Как это – всё?

– Всё! Второй подбородок, а также третий и четвертый!

Гримерша сказала:

– Нет у вас третьего и даже четвертого! Только второй!

И стала мне убирать мой второй.

Придя в студию, я продолжала ко всем приставать: к операторам, редакторам и проч. Кричала про свою горизонтальную одаренность.

Они даже удивились, когда начался эфир и я перестала кричать про это и говорила типо о Каннском фестивале.

Они думали, что я пришла поговорить о своем весе.

Мне, конечно, хотелось об этом поговорить, но ведущий не дал – заставил говорить об искусстве.

Такие дела.

Аудитория Христа

Пришел ко мне как-то один мой друг, очень умный человек: можно сказать – интеллектуал.

И хвастается: позвали (говорит) ведущим на ТВ.

– Первый (говорю) канал?

– Не, не первый.

– Второй?

– Не, не второй.

– Ну тогда третий?

– Да нет же!

– А какой? «Перец», НТВ, Рен, мистический, детский, еще какой?

Друг, потупившись:

– Кабельный…

– Ха, на два дома будет вещать?

Друг (с возмущением):

– На три! А может, даже на четыре…

– Ха, ну ты звезда, однако!

Друг насупился, потом говорит:

– У Иисуса тоже аудитория была небольшая, если ты помнишь.

– Ага, помню. А потом как пошло, как поехало…

А он взял и обиделся: сказал, что кощунствую.

Я поинтересовалась:

– По поводу тебя или Иисуса?

Обиделся еще больше.

Месяц не звонил.

И почему-то на канал не пошел на этот, который на целых три или четыре дома вещал.

Сказал, что я у него всякую охоту отбила.

Тайны интервью

Война Севера и Юга

На фестивале в Одессе мне повезло – дали возможность поговорить с самим Роджером Корменом, легендой Голливуда. Встреча с ним была подобна, как написал Жан Ренуар, когда его пригласил на обед сам Чаплин, встрече «верующего с самим Господом». Такие вот чувства. Правда не зная, кто это, можно подумать, что это не голливудский небожитель, а одесский пенсионер.

Однако то, что это сам Кормен, я узнала не сразу: по телефону мне показалось, что у меня будет интервью с Форманом, а не Корменом: ослышалась.

А как кто выглядит – почем мне знать (хотя у меня закралось подозрение, что этот старик – Кормену под 90 было – на Формана не очень похож).

Ну вот, стало быть. Подкатываю я к нему, сажусь за стол и говорю:

– Как вы пережили вторжение советских танков в Прагу?

Кормен говорит:

– Ужас. Нехорошо типа (сказал Кормен довольно безразлично).

Я говорю:

– Весь просвещенный мир переживал (ну что-то в таком роде, не так примитивно, конечно).

Кормен говорит:

– Мы тоже потеряли много солдат во времена войны Севера и Юга…

Я думаю: ну все, привет, приехали… Отпросилась у него, пошла к распорядителям и говорю: слушайте, а кто это?

Они говорят: Кормен! И смотрят на меня, как на блогершу лет эдак двадцати, из тех, кто может спросить (было такое) у Константина Райкина его отчество.

Я говорю:

– А! Понятно. Щас перестроюсь…

И пошла-поехала доставать его Сталиным и ужасами XX века – он же хоррор снимает. Он ничего не заметил, просто немного удивился, что я о трагедии Чехословакии до сих пор печалуюсь.

Думал, может, я обо всех все время печалуюсь и вот решила с ним обо всех трагедиях, начиная с распятия Христа, поговорить.

С уважением отнесся: вот, подумал Кормен, переживает человек за всех. Молодец.

Истина в вине

Приехал как-то в Москву Отар Иоселиани со своим фильмом «Истина в вине». А там в самом начале фильма мужик просыпается с дикого похмелья. А Отар сам не дурак выпить.

Началась прессуха.

Я (ну мне тон надо задать – чтобы потом он меня к интервью тет-а-тет подпустил), как обычно, вылезла и говорю:

– У вас в начале фильма человек просыпается и не может себя осознать. Как вы, конечно, помните, у Пруста в начале романа человек, просыпаясь, еще себя не идентифицирует в этом мире (ну и тэ дэ).

Отар посмотрел иронически и говорит:

– Так он же с дикого похмелья! Что ему идентифицировать? (Он интеллектуал, это он так издевается.)

Тогда я ему (в тон):

– А че пил?

– Вино пил (говорит Отар).

– А вы че пьете?

– А я водку предпочитаю. Ну, когда в России – водку, а так – вино.

– Красное?

– Ага. Божоле.

– И все?

– Ну, потом можно закрепить водкой. Но опасно. Будет тогда похмелье сильное…

Тут встает молодой человек какой-то и говорит:

– Отар Давидович! Мы с огромным уважением, интересом, даже, скажем так, пиететом ждем вас здесь всякий раз с новым фильмом!

Отар говорит (не обращая внимания на слова молодого человека):

– Пить надо тренироваться с детства. А то Хуциев вот начал недавно, уже старым, а это вредно…

Вдруг (никто его поначалу в суете не заметил, да он и позже тихо подошел и сел сзади вдалеке) раздается голос Хуциева:

– Отар, че ты врешь? Я тоже с детства тренируюсь!

Отар говорит:

– Генацвали! И ты здесь! Дай я тебя обниму! Щас выпьем! Пресс-конференция окончена!

Бедные журналисты заахали: что писать?

Я подошла договориться об интервью.

Так он, согласившись вроде, опять мне нес, что пить, в какое время, чем закусывать и так далее.

Я его спросила, с кем он во Франции дружит, а он назвал имя режиссера известного и рассказал, что тот уже с утра к нему с авоськой божоле приходит.

Ну, думаю, гад.

И написала репортаж вот вроде этого: как он над нами куражился.

Завотделом похвалил: живо, говорит, пойдет в номер (он сам был сильно пьющий).

А Хуциев прочитал (он меня любит) и говорит:

– Хорошо написала, смешно. Только ты напрасно про то, что я типо недавно начал. Я, как и Отар, с детства натренированный. Отар врет все. Всем врет: клевещет на меня. Он коварный вообще…

Художнэк

Еще я брала интервью (заставили, упросили, да и деньги нужны) у Церетели.

Долго я отказывалась (зная, что с ним невозможно разговаривать), но таки уговорили.

Пришла к нему в этот, как его, центр искусств.

Одновременно со мной приперлись студенты киношколы Михалкова, которым он давал мастер-класс.

Мастер-класс был такой:

– Я (говорил Церетели) – художнэк. И вы будэте, если будэте стараться, как я, художныками. Щас я вам покажу, что такое быть художныком.

С этими словами Церетели подошел к натянутому заранее полотну и нарисовал огромного крестьянина в два человеческих роста. Типо вывески на трактире – такой стиль.

Я не поняла, в чем состоит мастер-класс. Наблюдать, как он рисует крестьянина? (Церетели справился за полчаса: видно было, что он набазурился рисовать этих

крестьян сотнями.)

Тут я подошла к нему и говорю:

– С вами договаривались об интервью, ведь так?

Он, не отрываясь от полотна своего, говорит:

– Спрашивай! Только быстрее!

Я его спросила что-то типо того, кем он вдохновлялся в юности, какой школой художественной и пр., а он вдруг говорит:

– Надо чэловэком быть, понимашь! А школу я пропускал всегда!

Мы были с молодым фотографом, тот хихихал и рожи мне строил из-за спины Церетели.

Мне еще книгу тяжеленную всучили – какой-то его клеврет писал, там он, этот клеврет, журналист какой-то, тоже отирался как обслуга.

Я заглянула в книгу: там написано, что герой – великий, а все остальные – козлы, интриганы и проч. Сплетни какие-то, описания судов, которые выиграл герой этой биографии у всяких нехороших людей, которые ему завидуют, интригуют и проч.

Ну, я покурила на скамеечке около метро и книгу эту там оставила.

Какой-то алкаш говорит:

– Твоя книга?

– Берите (говорю).

Алкаш говорит:

– А мне она на фиг? Щас на бутылку даже не поменяешь. Я вот раньше фарцевал книгами, богатый был.

(Бывший полуинтеллигент, значит.)

– И на какой книге (спрашиваю) можно было больше всего навариться?

– Ха! На Библии, ясный перец!

Город Химки

* * *

Живу я в городе Химки (Новокуркино, точнее) и иногда люблю пройтись здесь, послушать, что народ говорит. В Химках не так спешат, как в Москве, и потому можно наткнуться на интереснейшие разговоры.

Ноги-атавизм

…Пошла я намедни в Химкинский пенсфонд – очередные льготы выбивать маме.

С паршивой овцы, как говорится…

А там сидит перед окошком интеллигентная пожилая дама.

Дама говорит:

– В этом месяце 500 рэ не пришли на карточку. Что-то случилось?

– Так вы ж не подтвердили, что сын у вас – инвалид! (ответила ей служащая пенсфонда).

Дама говорит (она робкая и интеллигентная, не то что я):

– Вы же уже 10 лет нам даете эти деньги… У него же ног нет, вы же знаете… С детства.

Тетка говорит:

– Так нужно же подтверждать!

Я рядом сидела. Ждала каких-то документов, и говорю:

– Ноги могут – фигак! – и вырасти. И нужно это всегда подтверждать: вот у меня долгое время не было ног, а теперь есть!

Я встала и стала немного задирать юбку, показывая свои ноги.

Тетка, которая работница пенсфонда, обомлела и говорит все же:

– Прекратите хулиганство!

Я говорю:

– Какое же это хулиганство? Это ноги, а не хулиганство! Вот пощупайте: всего полгода назад их тут не было! Но вы мне, между прочим, зажали пятьсот рэ! Мне, безногой!

Я сделала плачущее лицо.

Тетка просто побелела, потом позеленела и побежала за старшей.

Пришла старшая и говорит:

– Покажите ноги.

Я задрала юбку.

– Это протезы?

– Ха! Все так думают, когда я хожу: а они настоящие. Раньше их тут не было.

Посетители у окошек стали страшно хохотать.

Старшая говорит:

– Если бы вы обратились, когда у вас не было ног, мы бы рассмотрели вашу просьбу. Но ведь теперь они есть?

– Теперь – да. (Я погладила свои ноги с явным удовольствием.)

– Ну вот видите! Надо было обращаться, когда их не было: правда, мы рассматриваем заявление об отсутствии, к примеру, ног, в течение полугода. Нужно, чтобы еще врач подтвердил, что ног типа нету.

– Врачи (говорю) иногда сильно ошибаются: им все мнится, что ноги на месте, а их нет как нет.

– Ничего, разберутся (сказала старшая). Ноги не могут обмануть.

– Даже врачей? (спросила я).

Старшая не стала со мной спорить и величественно удалилась.

А той женщине сразу подписали все бумаги.

Сказали, сегодня же пошлют деньги на карточку.

Мы с ней вышли, она говорит:

– Вы актриса?

– Еще какая! (говорю). Все от меня стонут.

Она улыбнулась и поблагодарила.

Однако почему-то украдкой посмотрела, как я иду – вдруг они правда выросли и пока еще не прижились, ноги мои?

Нижний брейк

– Сюда ням-ням хорошо! – закричал негр в бурке и папахе, зазывая в кавказский ресторан.

(Такую сцену описал один человек в соцсетях.)

А я вспомнила, что со мной было у нас в Химках: около торгового центра тоже стоял парень чернокожий – изящный такой, а на груди у него (это называется – работать бутербродом) висело:

Брейк

Диско

Рэп

Парень приплясывал, да так изящно, элегантно – Майкл Джексон прямо-таки.

Я засмотрелась на него, он обрадовался и говорит:

– Приходи студия танцы! Научим!

Я, как обычно, начала «троллить»:

– А у меня артроз! Нога (говорю) болит!

Парень не смутился:

– Танцевать – нога пройдет!

– Не пройдет (вдруг сказала старая бабка, еле передвигающаяся, с костылем). Не проходит вон у меня: че тока ни делала! И траву прикладывала, и в Трускавец ездила – не проходит!

Парень говорит:

– А че такое Трускавец?

Я говорю:

– Центр по обучению нижнему брейку.

Парень говорит:

– О! Бабу?шка! (такое ударение он сделал). Так вы можете! (Он сбросил свой «бутерброд», приставил его к стене торгового центра и пустился в пляс.)

Потом остановился и попытался бабку схватить в партнерском танце, выкрикивая:

– Бабу?шка, давай, танцуй!

Бабка же сначала обомлела, а потом (ну, у нас такой менталитет) замахнулась на него костылем и закричала:

– Черт черный! Куды хватил!

Тут подошел мент. Пожилой и строгий.

Мент сказал:

– Что происходит, товарищи?

Я говорю:

– Вон бабушка хвасталась, что может нижний брейк, и парень поверил ей, хотел увлечь с собой в вихре брейка.

Мент говорит:

– ДокУменты покажите.

Негр говорит:

– У меня порядки, товарищ милисанер…

Мент говорит:

– Тебя я знаю давно, стой и стой себе, тока не танцуй с бабками. Вот пусть женщина доку?менты покажет.

Бабка говорит:

– Да, пусть покажет.

Я показываю паспорт с пропиской, и мент, рассматривая паспорт, вдруг говорит:

– Зачем остановились?

Я говорю:

– Танец посмотреть.

– А вам зачем?

Я говорю:

– Я бывшая балерина Большого театра (я сделала плачущее лицо). Уволили на пенсию из-за лишнего веса.

– Сколько у вас лишнего весу?

– А это что, нарушение?

Мент задумался.

Потом говорит:

– Вообще-то нет. Может, в Большом это и нарушение, но здесь – нет, не нарушение. Имеете полное право. У меня тоже вот лишний есть: давно спортом не занимаюсь. Стою здесь на холоде, потом дома как накачу борща с салом – вот тебе и лишний вес. Жена у меня хорошо готовит…

Я говорю (бабке надоело, она ушла):

– А вы нижний брейк танцуйте: вон у парня школа танцев.

Мент говорит:

– Не, не положено. Несолидно. Вот в запас уволят, может, и пойду.

Негр говорит:

– Щас идите, у нас учат холосо…

Мент вдруг говорит:

– Расходимся, товарищи. Не положено.

И мне (любезно):

– Нет у вас лишнего-то особо, весу-то. У меня жена большая, как кадушка. Готовит хорошо. И мне нравятся такие, уютные…

И почему-то под козырек взял.

Беспричинное

Люблю подслушивать: не у замочной, конечно, скважины, а на улице.

Тем более там громко говорят обычно.

Сегодня стояла в Химках на остановке автобуса и слышала абсурдный разговор.

Алкаш (в возрасте и русский) пристал к кавказцу (толстому и тоже в возрасте, явно торговцу).

– Вот я выпил (сказал алкаш, шатаясь).

– И чо? (спросил кавказец хмуро).

– А ты спроси, почему я выпил?

– Мне насрать, почему ты выпил (грубо сказал кавказец, готовый обороняться от возможной агрессии).

– Ты просто не знаешь, почему я выпил – знал бы, тебе бы было не насрать (грустно сказал алкаш).

Кавказец начал сдаваться (хотя он был подлинный мачо, мрачный, огромный и бандитского вида) и неохотно произнес:

– Ну и почему ты выпил?

Русский обрадовался и заорал:

– А ни почему! Надоело все, взял и выпил!

Кавказец помрачнел, как будто его обманули, и тяжело произнес:

– Значит, я был прав: насрать мне, выпил ты или нет, раз причины нет.

– А должна быть причина? (осведомился русский игриво).

– Должна (сурово ответил кавказец). Причем сильная причина. Раз ты сильно выпил.

Русский задумался и говорит:

– Мы, русские, пьем без причины.

– Без причины сопьешься (тоном врача сказал кавказец).

– А с причиной?

– А с причиной еще больше сопьешься (неожиданно сказал кавказец).

Русский почесал в затылке и вдруг говорит:

– Я тут рядом живу. Пойдем выпьем. У меня еще пузырь дома есть. И жена отъехавши.

Кавказец засомневался.

Потом говорит:

– Не могу. Товар отгружать надо. Завтра магазин откроется, а товара-то и нету.

Русский расстроился.

Тут подошел автобус, я побежала занимать место и в окно увидела, что они таки вместе куда-то пошли.

Безо всякой причины.

Мрачные люди в автобусе – и те заулыбались.

– Не перерезали бы они друг друга (озабоченно сказала старушка с сумками).

– Да нет (сказала я). Причины нет резать друг друга.

Старушка всплеснула руками:

– Дык без причины-то чаще и режут! С причиной – оно понятно, а вот без причины-то зачем?

– Пусть выпьют (вдруг произнес пожилой мужчина завистливым тоном). Жизнь тоскливая, а тут жена отъехавши, посидят, поговорят. Для разговора хорошего и причины не нужно.

Горячие точки (посвящается Аркадию Бабченко)

Пошла ночью за сигаретами.

А там – телевизор. Ночью скучно продавщице и охраннику, и он всегда включен.

А в телевизоре – Аркадий Бабченко, наш героический журналист, который все время по «горячим точкам» ездит.

Я и говорю продавщице Оле (славная женщина, интеллигентная):

– Вот (говорю) – героический журналист, был в Турции, чуть не погиб (тогда как раз события в Турции были).

Оля качает головой сочувственно: ай-ай-ай-ай, молодец какой! Коля (это она узбеку, парню по имени Исфадоньёр, но они выговорить его не могут), сделай погромче!

Сонный Коля хочет сделать погромче, и тут вваливается какой-то алкаш.

И говорит:

– А че этот тип в Турции забыл?

– Работа у него (говорю) такая: быть в опасных местах, «горячих точках»!

Алкаш говорит:

– Мне вот тоже на свадьбе брата башку проломили…

Оля говорит:

– Дурак! При чем тут свадьба твоего брата? Это ж политика!

Алкаш говорит:

– Дык мы с этим, который мне проломил, из-за политики и поссорились! Он Сталина ругал, а я его обматерил, а он мне башку проломил! Вапще это его

свадьба – вот где «горячая точка была»! Этого, который Сталина ругал, я порезал – он потом в реанимации долго лежал. Но обошлось… А он мне башку, значит-то, проломил (и показывать стал нам шрамы, наклонив голову). Невеста напилась, как собака, на свадьбе этой – чуть от жениха не ушла куда-то в лес – свадьба была на даче. Потом ее искали пьяную. Тесть – в дымину, потом его еле откачали – после инфаркта-то был тесть… Потом, значит, еще вот что…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dilyara-tasbulatova/kot-konserzhka-i-drugie-uvazhaemye-ludi/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/dilyara-tasbulatova/kot-konserzhka-i-drugie-uvazhaemye-lyudi-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить